

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА

В ХОРОШИЕ РУКИ

РАССКАЗЫ

— Уважаемые члены комиссии! Начнём, наконец!

Гомон собравшихся в большой комнате начал стихать. В раскрытые окна ни ветерка, только крики детворы со спортплощадки.

— Рыжик, давай же, съезжай! — веснушчатый мальчишка, упираясь в перила, пытался столкнуть растерянного пса с горки.

— Сам ты — Рыжик! А он — Мустанг! Муста-а-а-анг, иди ко мне, ну давай, ну скатись, тебе понравится! — девчушка лет восьми приманивала собаку у подножия горки, изображая, что в руках у неё есть что-то вкусное.

— Такого имени вообще нет, не выдумывай! Ну давай, я сразу за тобой съеду, это не страшно! — мальчишка погладил пса по холке.

— Если хочешь знать — есть такое имя! И он на него отзывается! Давай, толкни сильнее! — она застучала по горке, отвлекая собаку. Мальчик выпрямился, пёс воспользовался моментом и, проскочив под его рукой, неуклюже заскакал вниз по ступенькам лестницы.

ТУЛУШЕВА Елена Сергеевна родилась в 1986 году в Москве. Окончила Институт психотерапии и клинической психологии и Институт психоанализа. Работала во Франции и США. Сейчас старший медицинский психолог в Центре по работе с подростками, страдающими наркозависимостью. Как прозаик дебютировала в 2014 году в журнале “Наш современник”. Публиковалась в газетах “День литературы”, “Литературная Россия”, на сайте “Российский писатель”, в журналах “Подъём”, “Родная Ладога”, “Вертикаль — XXI век” (Россия), “Белая Вежа”, “Нёман”, “Новая Немига литературная” (Беларусь), “Литературный европеец” (Германия), “Простор” (Казахстан) и др. Лауреат V Международного форума славянских литератур “Золотой Витязь”, молодёжной премии журнала “Наш современник” (2014). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

— Не удалось причинить добро! — засмеялся молодой парень, повернувшись от окна к стоящей рядом девушке. Его рубашка прилипла к спине от пота. Девушка коснулась его плеча и улыбнулась в ответ.

— Аня, хватит кокетничать! Работать надо! — нарочито громко объявила председательница, тётка лет пятидесяти с бородавкой на брови.

Девушка смущённо порскнула за столик секретаря.

— И вы, Игорь Алексеевич, присядьте тоже, — довольная эффектом, продолжила чиновница. — Мы подбирали время, в том числе и под вас, поэтому затягивать не будем. Что у нас сегодня?

— У нас Саша Савельев... — на столике суетливо зашуршали листы. — Саше десять. На право опеки подал дед, Виктор Анатольевич Савельев. Его старшая дочь, мать мальчика, покончила с собой в пьяной горячке. Там история такая: не рассчитала — хотела напугать, но оступилась и выпала с двенадцатого этажа. То есть, это как бы не суицид, а несчастный случай. После чего над мальчиком взяла опеку тётка, младшая сестра погибшей, тоже пьющая. Через три года она умерла...

— Это всё мы уже знаем, что там по факту: отдавать — не отдавать, давайте порасторопней. Что с документами?

— Да-да, Татьяна Михайловна, я просто подумала... у нас же тут приглашённые специалисты, чтобы они тоже были в курсе дела.

— Специалистам все эти детали ни к чему. Игорь Алексеевич — психолог, а не следователь.

“Психолог? А это ещё зачем? — Саша с тревогой поднял глаза. — Ребята в приюте говорили, что эти психологи всегда что-нибудь навыспрашивают, а потом в психушку сдадут!”

— А Александра Ильинична из детской комнаты полиции, — с раздражением продолжила тётка, — нужна нам, чтобы подтвердить положительную характеристику на подростка. Чтобы дедушка знал, что мальчика мы отдаём вполне нормального, на учёте не состоящего, и ответственность опекуна перед государством — сохранить такой статус ребёнка, — на этой фразе тётка перевела недовольный взгляд с тощей девушки на Сашу с дедом.

“Взгляд у неё неприятный. Раньше ласково говорила, обещала, что в обиду не даст, что у него всё в жизни будет хорошо. А теперь пугает. Психолог, полиция... Сандалии дурацкие, ступни от пота скользят, теперь моль натрут”.

— Так, значит, вы, Виктор Анатольевич, решили забрать Сашу к себе? — тётка выразительно посмотрела на деда поверх очков.

— Ну да, вон документы, — дед кивнул головой в сторону шуршащей бумажками секретарши.

— Да-да, мы уже ознакомились. А почему?

— Чего “почему”? — нахмурился дед.

“Зачем она вопросы задаёт? Раз решил, так чего тянуть. Вдруг он передумает и уйдёт!” — Саша сидел, скрестив пальцы. Он загадал, что если так просидит до самого конца, то его обязательно отдадут деду, а если не сможет, всё пропало. Так уже было в шесть лет. Он попросил у Деда Мороза полицейскую машину с сиреной. Он хотел запускать её на кухню, когда мать и тётка будут ругаться, надеясь, что звук сирены заставит их замолчать. Тогда он загадал, что, если по дороге домой наступит на все чёрточки между плитками тротуара, то желание точно сбудется.

На пути дворник расчищал снег. Саша хотел переждать, но мать была не в духе и, резко дёрнув его за руку, потащила к подъезду. Машины он так и не получил. В тот Новый год он вообще ничего не получил. Утром 1 января мать сказала, что он плохой мальчик, и Дед Мороз ничего ему не принёс. До самого вечера он ещё надеялся на подарок. А вечером, протрезвев, мать подошла к нему и, погладив по голове, сказала, что Деда Мороза нет. “Ты теперь взрослый, Сашенька. А это сказки для детей. Просто родители покупают детям подарки и кладут под ёлочку. И я тебе так клала. А в этом году у мамочки денег нет, ты же знаешь. Мамочка тебя любит. Но теперь давай без подарков”. Следующей зимой за неделю до Нового года мать умерла. Подарков он больше не получал.

— Почему вы решили взять Сашу к себе именно сейчас? Почему не раньше?

— Так мать у него была и тётка, — дед достал из кармана вибрирующий телефон и посмотрел на экран.

— Ну, у матери были проблемы с употреблением алкоголя. Мальчик рос в некомфортной обстановке, почему раньше не забрали? — с напором продолжала председательница.

— А я с ними не общался.

— Из-за того, что они пили?

Он нажал клавишу и убрал телефон в карман. Тётка замолчала, дед стоял спокойно. Саша решил, что надо обязательно сказать что-то хорошее о нём. Но ничего кроме давно подаренного самосвала вспомнить не мог.

— Он мне подарки давал, дедушка мой! — зачастил Саша высоким ломким голосом. — Самосвал! Кузов поднимался.

— Ну вот видишь, — председательница мельком глянула на Сашу, попытавшись изобразить улыбку. И уже обращаясь к деду, жёстко спросила: — Вы не могли бы уточнить, по какой причине перестали общаться? Мы должны представлять, какова ситуация. Поймите правильно, родственников больше у Саши нет. Вас-то разыскали с трудом только через месяц после смерти Сашиной тёти.

— Если отдавать не хотите, — проворчал дед, — так и скажите...

— Нет-нет, вы не поняли. Ребёнок государственный. Есть определённые нормативы ведения дел. Никто же не хочет, чтобы потом Сашу у вас забрали, решив, что вы не подходите.

— А чего забирать-то? Ну если им надо, пускай делают, как знают, — дед засунул руки в карманы и начал раскачиваться. Саша испугался, что, качнувшись в очередной раз, он пойдёт к выходу.

— Виктор Анатольевич, вы не раздражайтесь. Это формальные требования. Мы обязаны собрать информацию. Собственно, даже если соврётё — мы и проверить-то не сможем! — примирительно продолжила тётка. — Спросить больше не у кого.

— А чего мне врать? — снова насушился дед. — Я и не врал никогда. Как забрюхатела она, так и ушёл.

— Кто, простите?

— Да Маша, кто ж ещё, старшая. Забеременела она в шестнадцать. Я ей: “Иди избавляйся, дура!”. А она: “Рожать буду!”. Ну я и рявкнул, мол, не позволю. Сам к врачу отвезу, позорище такое! А тут мать её нашла повод заступаться: грех это, грех!

— То есть вы были против того, чтобы дочь родила?

— А вы бы дали своей родить в шестнадцать? Школу даже не закончила! Впереди экзамены, институт, или техникум хотя бы. “Всю жизнь изломаешь!” — говорю.

Дед сильно покраснел. Саше стало его жаль. Он не знал про эту историю.

— Конечно, вы переживали за дочь...

— Говорил жене: я с таким срамом жить не стану! Да и кому он нужен будет — ребёнок этот безродный?! Но нет, кто ж меня послушал! А результат? — дед вытянул руку и начал загибать пальцы. — Я из семьи ушёл, жена через три года померла, дочь сама спилась, да ещё и сестру спила! И вот, — дед ткнул пальцем в сторону внука, — сидит: кому он теперь нужен?

Слова деда не сразу дошли до сознания Саши. Так, значит, он ушёл... из-за него?!

— Ну что вы, нам каждый ребёнок нужен! — приторный голос председательницы вывел Сашу из забытья.

— Да не придирайтесь к словам! — раздражённо махнул рукой дед. — Вы же понимаете, о чём я. Что у него теперь — ни дома, ни родителей, ни жизни нормальной.

— Ну, у него есть вы, раз решили забрать...

Психолог при этих словах выразительно хмыкнул.

“Чего ты лыбишься, — разозлился на него Саша, — как будто что смешное говорят! Лезут все не в своё дело”

— Да, чего он по приютам мотаться будет, — уже спокойнее произнёс дед.

— Ну, почему мотаться, — приосанилась председательница. — Государство устраивает сирот, предоставляет хорошие условия. Но вы родной человек, будете заботиться с душой.

— Вырастим как-нибудь.

— Трудностей не боитесь? Подростковый возраст всё-таки, нелёгкие времена мальчик пережил.

“Нелёгкие. Тебе спасибо! — ехидно подумал Саша. — Сразу ты мне не понравилась, ещё тогда, когда решали про приют. Наобещала всякого: ты там всего на пару неделек, там будет хорошо, друзья появятся, в цирк сводят, в театр, на экскурсии...”

В первую ночь, в туалете его обступили мальчишки. Он попытался спрятаться в кабинке, но все щекотки были давно выбиты, и ребята с гоголом начали его лупить. Так происходило со всеми новичками. Саша тогда не знал, что первая драка — это как проверка, после неё всем станет ясно, чего ты стоишь... На весь следующий месяц — самый ужасный месяц его жизни — за ним закрепились репутация лузера. Он пытался жаловаться, но становилось хуже. Правда, уже не били. Мстили по-другому: наливали воду в кровать, могли и помочиться. Саша терпел, надеясь только на то, что скоро заберут. А теперь... Детский дом? Да он ничем от приюта не отличается: народ там такой же, и дуют так же...

При воспоминании о драках всё внутри съёжилось. Обрывки беседы с трудом доходили до него.

— У меня всё есть, вон список документов: квартира двухкомнатная, машина наша, зарплата нормальная, можете проверить, на еду хватит.

— Да-да, вы молодец, все документы в порядке. Вы же опеку захотели оформлять, а не усыновление, — значит, государство будет выплачивать на Сашу пособие, льготы предоставит...

— Пособие сейчас оформлять будем, или отдельно приходиться?

— Ну вы погодите, — улыбка неловкости скользнула по лицу. — Мы сначала должны решить, остаётся ли Саша у вас или нет.

— А что, в детский дом его что ли решили?

Саша вздрогнул. Если в детдом — сбежит, он уже решил. Ему Костик рассказывал, как потом устроиться. В приюте Костик появлялся раз в три месяца. Он был вроде как сам по себе, пацаны его не трогали, потому что знали, что у Костики в друзьях воры Казанского вокзала. А в тюрьме его батя — выйдет, всем отомстит. Костик приходил в приют сам, получал полный комплект одежды, обуви, немного отъедался и отдыхал от своей воровской жизни и через месяц уходил снова. Он именно уходил, неспешно, обдуманно, загодя аккуратно сложив всё положенное государством добро. Вещи он тут же продавал, спуская получку на игровые автоматы. А потом жил и “работал” на вокзале, пока снова не тянуло в тепло.

— Да нет, нам бы не хотелось, естественно.

Саша испугался, что из-за своих воспоминаний пропустил что-то важное, и не мог понять, чего именно тётке “не хотелось бы”. В какой-то момент он перестал понимать, чего теперь бояться. В детский дом? Нет, туда точно нет... Дед?..

“Да отвязитесь, наконец, от меня! Все, все! — Незнакомая прежде ярость ударила ему в голову. — Тётка, ишь, заботу изображает: “Нам каждый ребёнок нужен”, а ведь ей на него плевать, Саша это сразу понял. И дед не лучше! За столько лет даже не поинтересовался, как там внучек. Другим подарки к каждому празднику. А ему — за всё это время — самосвал: капот не поднимается, дверки не открываются... Один проживу! с Костилом на вокзале!”

Саша будто заглянул в бездомную пугающую неизвестность. Ему стало так жалко себя. Ожесточение схлынуло. Он растерянно прислушивался к разговору взрослых.

— Мы здесь за тем и собрались, чтобы решить вопрос об опеке, — председательница напряжённо оглядела присутствующих. — Уважаемые члены комиссии, есть ли у вас вопросы?

Судя по скучающим лицам, вопросов не было.

— Ну, вы тогда подождите в коридоре, а мы обсудим и вам скажем.

— Сейчас скажете? А то мне ещё на работу сегодня надо заехать.

— Да-да, мы сегодня примем решение. Вы пока можете пойти передохнуть.

Как только дверь прикрыли, дед начал отзваниваться на работу, что-то раздражённо объясняя. Саша проводил его взглядом до лестницы и прильнул к щели, оставленной для сквозняка.

— Ну что, я так понимаю, будем отдавать? — после выхода деда с внуком все зашевелились, кто-то снимал пиджак, кто-то жадно пил уже нагретую воду. — Проблем с документами, я так понимаю, нет?

— Нет, он всё принёс. По доходу всё нормально, квартира на него оформлена, никто больше не прописан. Мальчику по исполнению восемнадцати лет предоставлять жильё не нужно, за ним будет числиться эта жилплощадь.

— Хорошо, меньше инстанций, меньше бумаг. А остальные — что скажете? Вроде дед нормальный?

— Да вообще-то по нему не поймёшь, — откашлялся окончательно взмокший Игорь Алексеевич. — Может, нам надо побольше о нём узнать, пригласить их на наши тренинги или консультации, а там и решать?

— Вот вы, психологи, молодцы какие! — взъелась председательница. — И куда ж мы его должны деть, пока они к вам ходить будут? Сейчас конец мая, если не отдать деду, то нужно Сашу в приют или детский дом пристраивать. А они все с июня разъезжаются по лагерям. Ему нужно будет срочно путёвку с кем-то оформлять. Вы представляете себе, как на государственного ребёнка оформить путёвку за неделю? Это гонка невозможная: ходить, выпрашивать, выбивать — списки-то все оформляются чуть ли не с зимы. А если не возьмут — тогда в инфекционную больницу придётся, сидеть мальчику как минимум месяц, если на июль смогут пристроить! Вы считаете, это лучше будет?

— Да не то что бы... — уже с меньшей уверенностью продолжил психолог. — Может, обязать их походить к нам в ближайшие месяцы. Не понятно, где раньше-то дед был, почему вдруг объявился? Десять лет с семьёй не общался, не интересовался никем, а теперь вдруг решил мальчика взять. Опека подразумевает приличное финансирование от государства, тоже настораживает. Всё-таки не котёнка отдаём...

— При чём тут котята? Вы один тут озабочены судьбой ребёнка? Мы все ищем наилучший вариант для мальчика. Мало ли какие споры в семьях могут быть. Дочери алкоголички, вот и не хотел общаться, что тут непонятного! Вам нужны консультации, чтобы это узнать? Человек в будни работает, вот лично вы готовы по выходным с ними заниматься?

— По выходным не хотелось бы... Ну, давайте хотя бы предложим?

— Конечно, предложим, посоветуем, проконсультируем. Всё как обычно, приложим максимум усилий!

— Да, как обычно... — ухмыльнулся психолог.

— Вы хотите что-то конкретное предложить, Игорь Алексеевич? — голос зазвучал озлобленно.

— Нет, конкретного пока ничего, надо подумать...

— У нас нет времени думать! — оборвала председательница. — Мы должны принять решение сейчас. Пригласите их, пожалуйста!

...Вошли. Мысли в голове у Саши кружились, он не знал, за какую ухватиться.

— Виктор Анатольевич, на сегодняшний момент комиссия решила передать вам право опеки. Поздравляю! — она активно изображала улыбку. — Вы вполне подходите по всем параметрам. Мы надеемся, что у вас всё по-

лучится. Документы будут оформлять некоторое время, так что вам ещё придётся к нам приехать, но уж такова система.

— Долго ещё надо-то будет? — дед методично укладывал в папку бумаги. — Чтоб с работы отпустили, нужно договариваться.

— Да-да, мы понимаем. Вся процедура займёт около месяца. Но забрать Сашу вы можете уже сейчас!

— Месяц, ладно. Понял, забираю.

— Мы бы хотели вам рекомендовать занятия у психолога.

— Это зачем? Он же нормальный вроде, — буркнул дед, постукивая ладонями по столу, чтобы стопка была ровнее.

— Это для вас обоих, чтобы лучше привыкнуть друг к другу, всё-таки давно не общались, могут быть конфликты...

— А без этого никак? — он перестал складывать бумаги и удивлённо посмотрел на председательницу. — Работа у меня.

— Ну, не то, чтобы никак! — заторопилась та, как будто тоже переживая, что дед передумает. — Это наши рекомендации. Может, позже, в июле.

— Нет, в июле у меня отпуск. Мы на дачу поедем к моему другу, — бумаги отправились в портфель.

— А, ну на дачу — это замечательно. Отдохнёте на свежем воздухе. Ну что, Саш, я же говорила тебе: всё будет хорошо! Ты-то рад?

Саша молча глядел в пол — в приюте это вошло у него в привычку. Он хотел было взглянуть на тётку, но никак не мог поднять глаза. Почувствовав, что на него смотрят и ждут ответа, он едва заметно кивнул.

— Что ж, тогда всего вам хорошего. Остальные бумаги вам сейчас передадут в 102-м кабинете. Удачи!

Когда они вышли на улицу, начинало темнеть. Собиравшиеся всю неделю тучи, казалось, готовы были вот-вот затушить раскалённый асфальт. Мамочки спешили увести детей с площадки и собирали разбросанные игрушки, пока разгорячённая детвора пыталась наиграться впрок.

Рыжий пёс бродил по площадке, провожая взглядом убегающих ребят.

— Рыжик, Рыжик, на, чё дам! — закричал ему Саша. Пёс подбежал к незнакомому мальчишке, как будто знал его целую вечность. Саше вдруг захотелось уткнуться в эту длинную пушистую шерсть, почувствовать тёплое прикосновение, мокрый нос... Пёс улыбнулся открытой пастью, обнюхал протянутую руку.

— Нечего дразнить собаку, если у тебя ничего нет, — нахмурился дед.

— Да я просто погладить хотел! — Саша присел было на корточки, чтобы потрепать пса, но остановился и перевёл глаза на деда, боясь его неодобрения. Только теперь он понял, что совсем не знает этого человека. Не знает, что можно делать, а что нет. А ещё не знает, любит ли дед футбол, умеет ли жарить картошку, и как его нужно называть: дед, дедушка или по имени-отчеству.

— Бездомная собака — чего её гладить, только подцепишь что-нибудь! — Дед посмотрел на часы. — На работу не успел! — Он ещё раз открыл портфель, проверил бумаги, и, махнув Саше головой, пошёл к машине. Саша выпрямился и поплёлся за ним. Под ногами замелькали бледные от засухи чёрточки тротуарной плитки.

TU ME MANQUE

Странный язык. Вроде бы хочешь сказать: “Я по тебе скучаю”, а дословно переведёшь — “ты меня скучаешь”. Как будто это не мои чувства, а ты делаешь так, что я скучаю. А может, и впрямь, ты так и делаешь?

А чего ждалось-то? Как на рекламных буклетах: зелёная лужайка, а на ней развалились белозубо улыбающиеся парни и девушки... Кстати, тогда бы

уже насторожиться. Не девчонки-мальчишки у них, а именно парни, со щетиной, загрубевшие, девушки с весёлыми морщинками — а ведь только закончили школу. Наши-то курса до третьего ещё как дети, если не размалюются. На выпускных фотографиях мы в смешной форме — бордовые жилетки, белые рубашки — гимназисты. Они же окончание школы отмечают в мантиях и кафедралках, как будто достигли вершин науки. Всё другое, даже надежды другие, самоощущение иное.

Она налила себе чая погорячее. Очередная суббота. Окно большое, во всю стену, распахнуто настежь. Как будто открыла дверь в своё одиночество: может, кто заглянет?

Весна... А там у нас зима только отпускает. Тают уродливые проступившие чернотой сугробы, замызганные дворники-таджики почёсывают лопатами потрескавшуюся от холода кожу асфальта. Каждое утро, часов в шесть...

Она закрыла глаза и вспомнила тот разрывающий утреннюю тишину звук: когда до подъёма есть ещё полчаса — самые сладкие, будто всю ночь не спалось — и тут кшых-кшых. Бррр...

А когда здесь дворники убирают? Что-то и не припомню, чтобы их видела. Зато собачники ходят с мешочками, так мило. Эдакий верзила выгуливает своего пуделька и семенит за ним к каждому дереву: “Вы закончили, сэр? Позвольте...”. И неловко ему, но попробуй не позаботься, сразу найдутся — причём не обязательно старушки, как у нас, любой прохожий: “Месяе, вы забыли убрать!”. И оправдание, что забыл пакетик, не сработает, будут стоять над душой и ждать, пока не выполнит предписание. Даже деревья вдоль тротуара растут по одной линии, зажатые асфальтом в жалкие квадратики земли. Здесь как будто всегда чисто. Так чисто, что аж...

Не начинай! Что, лучше как у нас? Остановки, усталые следы торопящихся влезть в автобус курильщиков. Высыпать бы им прямо в постель всё то, что они за месяц выбрасывают под ноги — мягкий матрас выйдет, зацените. А эта уникальная манера плевать. И главное, идёт тебе навстречу по дороге, глянет победно, с хрипом втянет воздух и... хрясь!

Фу, так можно напрочь аппетит убить. Впрочем, не помешает его хотя бы временно обезвредить: полка со сладким почти опустела за два дня. Интересно, долго можно себя убеждать, что “мозгу нужна глюкоза”?

Что там у нас завалилось в шкафике? А, чипсы! — пошарив рукой, дотянулась. Вот они: сырные, арахисовые, с пищей. Состав в самый раз: штук тридцать разных “Е”. Сырный воздух, воздух арахисовый. Отличный вкус — без поводов для вкуса. Как и вся жизнь здесь: одни усилители. Море, природа, горы... вроде как сами ингредиенты есть, но почему такие пресные? Не приправишь баночкой местного пива, распрекрасная эта жизнь в горло не полезет. Комом стоит!

Комом... как в зале вылета в Шереметьево, когда до последнего всё машешь, машешь, уже и не можешь увидеть своих за таможенной перегородкой, подпрыгиваешь, машешь... и хочется сглотнуть, но никак... И непонятно, ради какой такой идеи мы это делаем, если так пусто становится внутри? Но куда там, гони такие мысли, мы же за “светлое будущее”, жертвы необходимы, чтобы потом... И утешаешь себя этими иллюзиями, по несколько раз созваниваясь до вылета, пытаешься наговориться.

И вроде как ещё на своей земле стоишь, но уже и не коснёшься её, сразу в воздух. И хочешь, как в детстве с карусели, вытянуть вниз ногу и хоть чуть-чуть, но зацепить при разбеге землю. Но садишься в самолёт, и уже никак не дотронешься до неё, как ни тянись, только из иллюминатора цепляешься взглядом за исчезающие огоньки, узнавая очертания улиц...

Сырые, мартовские улицы... Народ никак не отгаёт, лица измотанные, зелёные, в метро, как в лифте: поскорей влезть, поскорей выйти, захлопнуть дверь за этим миром. Весь день перебежками. И каждый рядом с одинаковыми мыслями: не видеть бы никого, скорее домой! Там тепло, там дети смеются, родные обнимают, там стоптанные тапочки, там своё место за столом. Такой нежный, нужный мир. Такой хрупкий, что не дай Бог кому в него заглянуть — разрушат, сглазят, натопчут. Вот и прячут его за угрюмыми лицами. И чем мрачнее стража, тем надёжнее. Едешь с ними, с такими же,

растворяясь в этой дремотной молчаливой массе. И ещё больше свой мир любишь.

Улыбки у наших — редкость. Если увидишь — удивишься, сразу додумываешь: что у него такого, у этого лысого, случилось, что так сияет? Повысили? В лотерею выиграл? А может... Вот он до сорока дожил и решил для себя давно, что навсегда один, глупо ждать дальше, не хватило на него человека, чтобы рядом до самой старости, прямо перед носом раздалось резкое: “Сказала же, дальше очередь не занимать, кассу закрываю, идите в другую!”. А другая — очереди-и-ина... В этой двадцать с хвостиком лет стоял, в той как минимум столько же. И сил стоять и ждать больше нет. И смотрит он на эту свою уже ставшую почти родной коробочку “Счастье семейное”: вся поистрепалась, пока в руках столько лет теребил, уже и забыл, какие ещё на полках стояли... И понимает, что проще оставить где-нибудь здесь у кассы (обратно на полку возвращать совсем тоскливо), авось не заметят, и потихоньку к выходу, стараясь не смотреть на счастливиц, пробивающихся на кассе... И тут ему в спину: “Мужчина! Мужчина, я вам! Вы брать что-то будете? Да вам я, вам! Подходите, я сейчас за кассу сажусь! Только скажите, чтобы за вами больше, чем на пять лет, не занимали, я не обедала ещё”.

И вот он, как школьник, рванул к кассе, задевая кричащие полки со всякой бессмысленной мелочью. Вмиг вспотел от напряжения: вдруг кто ещё услышит, набегут, попробуй, докажи, что ему первому тётка сказала. И вот: стоит! Первый! Сияет! Гордо смотрит назад: “Да-да, сейчас она откроет, только просила занимать не больше, чем на пять лет, вы им туда дальше передайте”. Бегут, выстраиваются за ним. Ну что же она так долго! Уселась, включает, шуршит чем-то: “Давайте!”. И вот уже у неё в руках она самая, родная — “Счастье семейное”. Смотрит недовольно, поистерся штрих-код, вручную набирать придётся. Только бы получилось, а то ещё отправит менять! И тогда, знай, всё пропало, обратно уже не протолкнёшься. Смотрика, пробивает... Пробивает!!!

— Упаковать?

— Что, простите? — волнуется, о чём спрашивают, не поймёт.

— Упаковку брать будете? Дом там или квартира, комната? Во что упаковывать?

— А! Нет-нет, спасибо! Пока нет! — а сам боится, за это бы суметь расплатиться, хватит ли? — Я сам упакую, потом.

— А, ну держите. Всего хорошего!

И вот он идёт, светится! Теперь бы, главное, всё правильно сделать! Инструкции-то внутри не оказалось, но не возвращать же обратно.

Улыбается, как ребёнок, сжимает в руке телефон, и всё посматривает, проверяет. А там на экране ээмэс: “И вам спасибо за вечер! Завтра могу после восьми. Я тоже этот фильм ещё не видела, с удовольствием схожу!”.

И мир теперь другой совсем, пьянящий, как карусель. Идёт он и любит эту псевдовесну, этот воздух, эту угрюмость вокруг. И сияет, провожаемый взглядами исподлобья. И видно такого из всей толпы аж с той стороны улицы...

А здесь? Выйдешь... и все они улыбаются! Взглядом с кем встретишься — *трынь*, уже натянули для тебя сорок лицевых мышц. *Трынь* — и ты в ответ: ты ж интегрируешься, культуру их поддерживаешь. И не удивляешься этим взаимным улыбкам. Как блаженные! Приятно? Должно быть. Они же искренне. Только не от радости, а из вежливости.

Даже тот, надутый в аэропорту, тоже улыбался:

— Боюсь, мадмуазель, вы опоздали, — *трынь*.

— Как опоздала?! До вылета ещё вот: 52 минуты!

— Да, мадмуазель. Полагаю, в вашем билете написано, что посадка заканчивается за час. Давайте я покажу, внизу строчка.

— Да видела я! Не могла найти нужную стойку! Пожалуйста, я успею, вы только зарегистрируйте скорее, — *трынь* ему в ответ пошире.

— После регистрации пассажиру нужно пройти ещё общий досмотр, затем паспортный контроль, затем повторный досмотр перед посадкой. Сейчас Рождество, очереди очень длинные.

— Да-да, я знаю, конечно длинные! Пожалуйста, поскорей! — умоляющая *трынь*.

— Тогда вы должны понимать, что не успеете, — *трынь*.

— Прошу вас, вы мне дайте попробовать, сами же сказали — Рождество, праздник. А уж я постараюсь, попрошу, чтобы пропустили вперёд.

— Не думаю, мадмуазель, что это корректно: просить пассажиров, пришедших вовремя, пропустить вас только потому, что вы не рассчитали своё время. Судя по вашему билету, вы не относитесь к льготной категории граждан, проходящих вне очереди. Это люди, нуждающиеся в физической помощи персонала, пассажиры с детьми, беременные женщины...

— Да знаю я! Какая вам разница, это же я попрошу, а не вы! Пожалуйста, время идёт!

— Да-да, мадмуазель. Время вышло, я же сказал. К сожалению, ничем не могу помочь.

— Так зачем вы мне всё это объясняли, раз “нет”?!

— Это моя работа, разъяснять правила перевозок, — *трынь*.

— Отличный сервис! — гневно пышет в упор.

— Пожалуйста, мадмуазель.

— А поговорить с кем-то компетентным в этом вопросе можно? С вашим начальством свяжите, пожалуйста.

— Боюсь, что по данному вопросу я предоставил вам полную информацию. Мне очень жаль. Вы можете купить билет на другой рейс на первом этаже.

— Да неужели?! — уже не получается *трынь*, убить бы его взглядом.

— Счастливого Рождества! — *трынинь*.

До сих пор всё бурлит, как вспомнишь! А главное: улыбка-то с лица не сползала. А за ней — полное к тебе безразличие.

Интересно, а если жениться передумают, они тоже с улыбкой сообщают?

— Согласны ли вы, месье?..

— Простите, кхм, полагаю, что нет. *Désolé**.

— Дорогой? Ты что — передумал? — нервное *трынь*, похлопывает прилепленными ресницами.

— Боюсь, что да... — поджимает губы в извиняющейся улыбке.

— А почему сейчас? Мы же семь месяцев готовили свадьбу, все гости здесь! — растерянное *трынь* заморозило мышцы.

— *Oui, mais... m-m-m, je ne sais pas... donc, c'est la vie...***

— Но объясни, что случилось? Может, ты всё-таки передумал? — заискивающее *трынь* пробежало по лицу, упало на букет, задрожавший так некстати.

— Сожалею, дорогая, боюсь, что нет. Ничего не выйдет. *Воп journée...**** — *трынь*: — Мне пора.

И все гости, поддельно сочувствующие и неподдельно злорадствующие, заулыбаются.

Ну не идёт учёба! Надо бы засесть, но ведь не идёт. О чём угодно мысли лезут, но не о налогообложении. Школьную медаль надо было с собой взять что ли, хоть смотреть иногда, стыдно бы становилось. Куда ушла сила воли? Наверное, зачахла вместе с иллюзиями об интересной профессии. Хотя какие иллюзии, себе-то врать не надо. Что предложили, на то и согласилась. Даже подумать не успела. Да и что можно надумать в шестнадцать? У нас народ только начал подниматься после 90-х. А тут — Франция... Ноги в руки и вперёд, а уж потом полюбишь то, что имеешь.

Что ж ты, мама, не запрещала смотреть “Элен и ребята” — не примеряла бы я на себя киношное счастье! Хотелось, как в сериале: друзья, все

* Сожалею (фр.).

** Да, но... м-м-м, я не знаю... ну, такова жизнь (фр.).

*** Хорошего дня (фр.).

такие улыбочные, заботливые. Целыми днями: универ—спортзал—кафе. Не жизнь — песня! И вроде бы есть и универ, и спортзал (кстати, надо посещать поактивнее)... Только в кафе сходить не с кем! Да и понятия о дружбе у них не те, что в сериале. Каждый сам за себя. И жёстче: каждый за *правила*. Узнают, что списываешь — сообщат: беспорядок! Приведёшь в общагу гостей — доложат. Лекцию пропустишь, на море поедешь — тем более проинформируют. Потому что так *правильно*. Потому что из этих *правильно* вырастает образ жизни. Рождается Законопослушный Гражданин. Бунтари Европе не нужны.

Хотя и плюсы есть: горы, море, солнце... Солнце... Навязчивое, депрессивное. Так шпарит — только лежать на пляже. От яркого света уже тошно, как от их улыбок.

У нас и солнце-то более искреннее, редко подмигнёт, но зато как. Что-то праздное есть в этих южных краях. Вечная тусовка. А наше лето...

Она присела на так и не застеленную кровать, поджала колени и с улыбкой зажмурилась, вспоминая нежно-серое московское утреннее летнее небо. Дождь шуршит. И от стекла глаз не оторвать: целая Вселенная скользящих капель, ползут, сливаясь в ручейки, скатываются “паровозиком”, снова замирают. А за стеклом — танцующие листья, будто невидимые человечки едва касаются их балетками: парара-рара-пам-пам, пам-пам. И вся скудная городская природа перезванивает колокольчиками, передавая сплетни шептавшихся ночью звёзд.

А внутри как будто мурлычет что-то, лениво перекачиваясь. Окна откроешь — зябко, свежесть врывается, охватывая тело мурашками. Кутаешься в свитер, плед, дремоту... и втягиваешь в себя эту музыку, нежность, сказочность. И мысли внутри медленно танцуют в такт. Всё идёт так отлаженно, надёжно, просто. И с каждым вдохом всё больше сил, энергии набирается. И хочется двигаться, делать что-то... Творить, вытворять, гениальничать — в такт разыгравшемуся ливню. Нарастающие потоки будят всё накопившееся в душе. И жить — хочется!

А потом вдруг раз — тишина... И как будто после потопа жизнь замерла, насторожилась, прислушивается... Несколько мгновений — и уже зашуршало, закопилось, задвигалось всё, выползло к небу в ожидании лучика. И солнце лениво раздвигает уютные свои подушки-тучи, неспешно потягиваясь, поглядывает на этих муравьёв внизу, начинает *свой* день. И листья уже не танцуют, а робко выгибаются, подставляя спинки погреться, щеголяя хрустальными россыпями дождинок. И хочется туда — с ними, — хоть краешком ухватить солнечного блеска, как будто сотни ночей провёл в подземелье.

Она открыла глаза и невольно нахмурилась от резкого кричащего света. Из сада вызывающе смотрело солнце. Довольное, целиком заняло всё окно, пролезло в комнату, оттеснив тени к стене. Уселось.

— Не скроешься от тебя! Зашторишь — придётся лампу включать, как в больнице, тоска. А с тобой ни на чём сосредоточиться невозможно, лезешь всюду! — она раздражённо встала, выплеснула чай, снова открыла холодильник.

— Ну вот, докатились: с солнцем разговариваем. Пожевать что ли чего-нибудь... — полупустые полки предлагали либо занудно-полезное, либо приятно-отравляющее: суррогатные шоколадные пудинги, glutomatные колбаски, кислотного цвета желе... — Ну что, видимо очередь антидепрессантов! — она запустила в рот пару острых колбасок, отломил хрустящий багет.

— Хм... то есть врут они всё про зимнюю депрессию. Вот вам палящие солнце — и депрессия к нему. Заедаем-с. Не проходят, товарищи психологи, ваши рекомендации: чаще бывать на свежем воздухе, получать солнечные ванны, гулять... Как было тошно, так и осталось. Ну, что теперь скажете?

А и правда, что бы они сказали...

— Заелась, деточка. Сидишь тут, на средиземноморском побережье, летом наслаждаешься, учишься, пока не работаешь, какие заботы?

- Да, но... — заппнёшься, не найдёшь, что ответить.
- По шкале от 1 до 10, как бы ты охарактеризовала комфортность своего быта?
- Баллов 8–9, вроде всё есть...
- Вроде? А чего это у тебя нет?
- Ну...
- Еда?
- Вон, в холодильнике.
- Тепло?
- Весна всюю.
- Крыша не протекает?
- В каком смысле? Если вы про здание — нет. А вот моя собственная, кажется, едет потихоньку.
- Условия для обучения есть? — иронию проигнорирует.
- Ну, стол, стул, учебники, лекции, интернет...
- Мозги? — уже сердито.
- В прошлом году были. Сейчас, судя по проваленным экзаменам, не уверена...
- И куда это, интересно, ты дела предоставленные природой мозги? Жировыми клетками обтянула? К сессии не готовилась?
- Готовилась, но сосредоточиться не могу. Слова эти...
- Какие слова?
- Да эти, на лекциях: прибыль, процент, продажа, выгода, спрос, прирост, налог, прибыль.
- Прибыль уже была.
- А, ну да. Вот, кстати, прибыли от всей этой затеи я не ощущаю.
- От какой?
- Оттого, что я здесь. Не моё это, кажется...
- Кажется? — перестанет писать в блокноте, устанет в упор.
- Не знаю...
- А кто знает?
- Может вы подскажите? — взглянешь с надеждой.
- Я, дорогая моя, занимаюсь делами поважнее. У меня до тебя сегодня уже пятеро. Мать с ребёнком аутистом, мужчина, потерявший жену после тридцати лет брака, молодой человек с ночными кошмарами после службы в горячей точке.
- А пятый? Вы сказали пятеро.
- Пятый, к сожалению, в другое место должен будет обратиться, тут уже моей помощи не хватит, нужна медикаментозная поддержка. Так что ты давай, определяйся поскорее. А то мне на эту ерунду время тратить некогда.
- А с чем определяться?
- Как — с чем? Не твоё, говоришь?
- Не моё.
- А чего здесь сидишь?
- Да меня родные уже француженкой считают! Мечтают — в солидной фирме работать буду. Как же я всё это брошу? Неудобно...
- Неудобно спать на потолке, одеялко спадает. Давай быстренько, не раздумывай: чего сама хочешь, не анализируй, раз — и что пришло в голову, то и сказала.
- Не знаю...
- Я не спрашиваю, что ты там знаешь. Давай быстро первое, что в голову придёт.
- Ну, может, работу, как у вас. Людей слушать, а не какую-то прибыль считать.
- И чего сидишь тогда? С кровати поднимись, соберись и вперёд.
- Прямо так?
- Да как тебе будет угодно! Хотя пижаму лучше переодеть, а то приросла к ней. Всё, мне пора. Сейчас следующий будет: сорок лет, наконец нашёл девушку, теперь боится, что сделает что-то не так, и она уйдёт!
- О, что-то знакомое, кажется... а что он от вас хочет?
- А это уже дело не твоё. Всё поняла?

— Ага.

— Ну, вперёд, действуй. И вот ещё: заканчивай со своими “вроде”, “может”, “как бы”, “кажется”. У тебя помимо мозгов ещё и душа есть, ей, знаешь ли, надёжнее доверять...

Хм, какой-то у меня не добрый психолог получился. И вообще, они, наверное, на “вы” должны обращаться и как-то подшеюнее, подбнее. Но с этими “как бы”, “может” и впрямь завязывать надо. Сплошная неуверенность. А в чём тут будешь уверенной? Разве только в том, что домой хочется.

Как же хочется! Скучаю по тебе... по каждой чёрточке... Детская, што-ры, мамин пирог с капустой, папино кресло, код на подъезде, уже лет пятнадцать не менявшийся, трамвайная остановка на перекрёстке, город — звенящий, гулкий, бесконечно большой, люди — торопливые и медлительные, тихони, безбашенные, замкнутые, рвущие рубаху на груди, страна... огромная, нищая и богатая, измождённая и праздная, чужому непонятная...

Скучаю по тебе — ты меня скучаешь... *Tu me manque*. А ты? Ждёшь ли меня? Заметил ли, что меня нет, примешь ли обратно, дом?

ДРУГАЯ ВОЙНА

Прозвенел звонок, но решили не расходиться. Лысоватый профессор предложил работать без перемены, зато раньше закончить второй урок. На экране мелькали чёрно-белые кадры. Он видел их несколько раз по телевизору. Смотреть не хотелось: как здорово было бы развалиться на лужайке хоть на десять минут, снять кеды, носки, ощутить ступнями прикосновение уже тёплой земли, погладить пахнущую близким летом траву, почувствовать сквозь закрытые веки пробивающиеся солнечные лучи.

Спина и ноги затекли, но он приучил себя не подавать вида и подолгу сохранять одну позу. Так было надёжнее: никто не придерётся, что ему не интересно, что он не хочет слушать. С годами он научился жить в новом мире с его правилами. Это было сложнее, чем там. Правил больше, и некоторые уж очень странные. В прежней жизни правило было одно: хочешь выжить — попробуй! Здесь всё запутанней, но он принял условия игры, даже не пытаясь понять.

Вот и сейчас решили сидеть в наглухо зашторенной аудитории и смотреть, как дети на экране засучивают рукава и показывают оператору номера, набитые на тощих руках, как они жадно вылизывают алюминиевые миски; как взрослые мужчины, похожие на скелеты, закапывают горы таких же скелетов, едва удерживая в руках лопаты. Он не понимал, почему его одноклассники смотрят, не отрываясь, на эти смерти, когда там, за дверью в саду лица пахнут жасмином, а в столовой уже начали подавать обед: сегодня спагетти с мясом. При мысли о еде в животе заурчало. Он глубоко вздохнул, пробежал глазами по знакомым лицам и снова вернулся к экрану, изображая интерес. Кадры на экране сменяли друг друга, вызывая дремоту...

— Итак, я предлагаю вам поработать в группах, — профессор включил свет, и класс постепенно начал оживать. — Ваша задача — сделать к следующей неделе небольшой проект. Обсудите увиденное, соберите информацию у своих близких, может быть, семейные истории, найдите фотографии тех лет. Попробуйте максимально подробно воссоздать хотя бы маленький кусочек того времени. Вы можете выбрать один день из жизни лагеря или кон-

кретного человека, будь то солдата или ребёнка, один час боя, или ночь бомбёжки. Проявляйте фантазию и творчество! — закончил он, жестикулируя, как фокусник.

Фантазия и творчество... Как учитель мог применять эти слова к такой теме? Он вспомнил, как впервые услышал их ещё на родине, когда ему повезло попасть в детский лагерь какой-то благотворительной организации. Их собрали в огромной зелёной палатке с длинным столом. Перед каждым положили новую футболку, и молодая белая девушка с рыжими веснушками и широкой улыбкой объявила: “Привет всем! Меня зовут Джулия. Сейчас мы с вами будем заниматься творчеством. Вы сможете сделать из своей футболки настоящее произведение искусства, используя блёстки, краски, фломастеры и аппликации!”. В палатке повисла тишина, никто не шевелился. Девушка немного растерялась: “Вы можете придумать всё, что хотите, используйте вашу фантазию!” — для двадцати детей эти слова звучали непонятно, оттого и пугающе. “А потом вы сможете забрать футболку себе!” — ребята начали переглядываться. Первым рискнул толстяк Дуби, самый старший и самый глупый: он ухватил футболку и прижал её к себе. Двадцать пар глаз с испугом уставились на рыжую девушку. Она, как ни странно, улыбнулась: “Да-да, это ваша вещь, вы можете сделать из неё, что хотите, и забрать домой!” Кто-то начал натягивать футболку на себя, тогда можно будет убежать, если захотят отнять.

“Нет-нет! Подождите! Не надо надевать. Вы же не сможете ничего нарисовать!” — она хотела было подойти к детям, чтобы помочь снять футболки, но, увидев испуганные взгляды, остановилась, задумалась и направилась к ящикам в другом конце палатки. Вернувшись, она небрежно бросила на стол новую футболку, открыла баночку с красной краской и, расправив складки ткани, что-то нарисовала. Он хорошо помнил своё изумление: зачем эта добродушная девушка портит такую замечательную новую вещь. Другие тоже настороженно наблюдали, как Джулия, по очереди подходя к каждому, показывала, какие рисунки можно сделать, обведя ладонь или наклеив блестящие кусочки бумаги.

Когда через полчаса очередь дошла до него, он крепко вцепился в неожиданный подарок и, не смотря на то, что вокруг уже кипела работа, старался не поднимать глаз, пока Джулия открывала стоящие перед ним яркие баночки с краской. Если эта вещь его — он ни за что на свете не будет портить её краской.

Он был восьмым ребёнком в семье и ещё ни разу не получал новой вещи, купленной специально для него. Одежду скидывали подростки братья, он терпеливо ждал, пока к нему перейдёт очередная рубашка или шорты. Обидно было, когда вещь не доходила до него, потому что заплаток было слишком много. Тогда мать бережно разрезала её на небольшие кусочки, чтобы потом заштопывать ими прорехи других обносок.

— Да что с тобой, малыш? Я же сказала, это твоя вещь, я не заберу её обратно! — Джулия погладила его по голове. — Смотри, ты можешь сделать, как у меня. Вот видишь, тут нарисован замок и принцесса. Это сделала моя младшая сестра. А у тебя есть братья или сёстры? Ты можешь подарить им — футболка большого размера! — Он взглянул на стол и с ужасом понял, что все они одинаково большие. Всё пропало! Дарить её он никому не хотел, но мать и не спросит, отдаст старшим братьям.

Он грустно смотрел на Джулию, с улыбкой описывающую возможные узоры и украшения.

— А на рукаве ты можешь написать имя своего брата или друга, чтобы это был подарок специально для этого человека!

Он ухватил фломастер и быстро большими буквами написал единственное слово, которое успел выучить в свои восемь лет: “Jamaica”.

— М-м-м, оригинально. Ты знаешь про эту страну? Мы можем нарисовать её флаг или пляж с пальмой, я где-то видела здесь аппликацию.

— Это его имя, мисс Джулия! — влезла его беззубая соседка и одноклассница Габби.

— А! Вот как! Спасибо! Ты можешь звать меня просто Джилл. Так, а тебя, значит, зовут Джамайка. Очень красиво. Немного крупновато получилось, зато издаലെка будет видно твоё имя!

Надежда блеснула в его голове. Может, мать и не отдаст футболку с его именем. Теперь он сделает самую красивую вещь в своей жизни. Он оживился, стараясь успеть наклеить как можно больше картинок и блестяшек. На спине он оставил несколько разноцветных отпечатков своих ладоней и для надёжности вновь написал имя.

Его восторгу не было предела. Занятия длились целый месяц, каждый раз они делали что-то, и Джулия называла это творчеством: украшали кружки, кепки, носки, обклеивали коробочки, мастерили бусы. Все эти богатства они уносили с собой. Вот это было творчество и фантазия!

— Джама! Иди сюда, мы все здесь!

Он послушно поплёлся к своей группе за широкий стол под акацией. Эмили была их лидером в этом проекте, и он с тоской понял, что обед испорчен: она захочет начать обсуждение прямо сейчас.

— Мы как раз выбираем, какой формат нам интересен. Пит предложил сделать реконструкцию и отснять на видео! — Он перевёл взгляд на Пита, но тот был занят поеданием непомерно большого гамбургера со стекающим сбоку кетчупом. Не совсем понимая, что от него ждут, Джама по привычке кивнул.

— Надо решить, что мы будем делать. Можем, например, составить подборку историй, которые в детстве слышали от своих дедов. Принести фото стариков, какие-нибудь их вещи! — пока Пит это произносил, из его набитого рта летели крошки на стол и на футболку.

— Пит, пройди сначала, фу! — скривился Ману. — Не подойдёт, Джама тогда не сможет участвовать с нами. У вас ведь там не было Гитлера?

— Нет... Гитлера не было, — он опустил глаза, стараясь настроиться на добротный обед.

— Повезло вам! — снова включилась Эмили. — Представляете, европейцы гибли тысячами, а где-то в это время люди наслаждались жизнью, ни о чём не задумываясь...

Джама посмотрел на её лицо: белая, почти прозрачная кожа. А волосы длинные и прямые, как будто отглаженные.

— Во-во! — оживился Пит. — Отлично выйдет! Серия историй от дедушек внукам, одна другой тяжелее, их драмы. И в конце: бац, контраст! Что-то вроде: “А на другой стороне Земли маленький мальчик слушал от своего деда совсем другие истории... Про беззаботную молодость, песни и танцы, про рыбалку, солнце, океан...” Здорово получится! Как будто для кого-то война, а для кого-то лишь слова.

Джама медленно накручивал спагетти на вилку, разглядывая свои шершавые руки со следами ссадин. Он никогда не слышал от своего деда таких историй. Он вообще его никогда не слышал. Мужчины в их краях редко доживали до сорока. Деда по линии отца никто не знал, а второй погиб со всей бригадой на стройке во время обвала. Ему повезло: несчастный случай. Семье выплатили его жалование за целую неделю! Отцу Джамы повезло меньше. Он умер от малярии. Мать говорила, он долго мучился. За него никто не заплатил, а кормить его было нечем. Старший сын отвёз его в больницу. Там таких не лечили, но раз в день давали суп. После смерти тела больных сжигали, чтобы зараза не шла по округе, и родственникам не нужно было хоронить. Отца Джама не помнил. От него остался журнал, тот самый, посмотрев который мать выбрала имя для младшего сына. Читать она не умела, только разглядывала фотографии волшебной страны, где, как ей казалось, чёрные жили на роскошных виллах и ни в чём не нуждались. Он берёт журнал, перелистывая с детства знакомые страницы, обводя пальцем большие буквы на обложке: “JAMAICA”.

— Нет, не получится. Я не знал своих дедушек. Умерли. И фото их тоже нет.

— Оу, извини, мне жаль, — Пит с лёгким усилием открыл банку с газировкой, она зашипела, и пена полилась через край. — Тогда давайте про один день. Например, самый первый, когда люди узнали, что пришла война. Ну, какая-нибудь деревня глухая, где никто ничего толком не слышал, и вдруг — на тебе! Обычный день, люди работают, отдыхают, ходят в церковь и тут... Какой-нибудь налёт, как в Пёрл-Харбор, или внезапно ворвались фашисты на мотоциклах. Это ведь самое страшное, когда война приходит внезапно. Раз — и вокруг уже маршируют новобранцы, копают окопы, строят казармы, везде военная техника. Один вид людей в военной форме — мне бы жутко стало!

Джама не помнил, был ли в его жизни похожий день или час. В какой-то момент белые разъехались. Не стало машин с едой, подарков, школьных занятий. Военных в форме он тоже не помнил. Просто начали появляться мужчины с мачете, реже с автоматами, обычно это были те, что главнее. Они не маршировали, не ходили колоннами и не строили казармы. Они приходили в чей-нибудь дом и оставались там на ночь. Хозяева старались поскорее уйти. Если не успевали, из дома раздавались страшные крики. Он помнил их до сих пор. Крики женщин, похожие на звериные. Больше всего он тогда боялся, что услышит такие из своего дома...

Криков женщин своей семьи он, к счастью, не слышал. Однажды летом мать слегла. Он заметил, как мать резко похудела, перестала вставать. Позже ему сказали, что это пневмония. Он не понимал смысла слова, забравшего его мать, и просто кивал. Ещё через год умерла старшая сестра. Он уже был большим, и ему рассказали, что она обнималась с плохим мужчиной, больным. И потому заболела сама. Старший брат часто кричал на неё, обвинял в чём-то. Джама не понимал за что, ведь виноват какой-то другой человек. Разве могла она догадаться, что заболит только оттого, что кто-то её обнимал.

— Джама! Ау-у! Ты опять где-то в своих мечтах?! — маленькая сердитая складка на лбу у Эмили делала её похожей на обиженного ребёнка. — Мы работаем в группе! И даже если тебе не интересно, каждый должен участвовать!

Он понял, что от него чего-то ждут, и вжался в скамью.

— Извини, я просто задумался про день начала войны... — Джама почувствовал, как потеют ладони, и потянулся к бутылке с водой.

— Парень, мы уже развили тему. Ты давай и правда включайся! — Пит смотрел не столько с раздражением, сколько свысока. Он был не из отличников, но из тех счастливицков, которые умеют повести за собой, предлагая всевозможные идеи. Его любили и одноклассники, и учителя, в шутку называя балбесом, не использующим свой потенциал. — Мы про детей, которых отправляли в концлагеря.

— Это про тех, которые в фильме показывали свои руки с номерами?

— Бинго! И он снова с нами! — Пит поднял банку, изображая, что чокается с невидимыми друзьями.

— Пит, кончай! У нас времени мало. Давайте решать уже! — Ману был из толковых учеников, но очень нервный. Он объяснял это тем, что его родители уже два года как пытались развестись и постоянно вовлекали его в свои конфликты. — Я тоже за то, чтобы сделать акцент на детях. Это за душу берёт. Маленькие ни в чём не повинные люди. Их собирали толпами и отправляли в эти бараки. Почти не кормили, заставляли работать...

— Не знаю, это совсем жутко. Вроде не Средневековье, а откуда такое варварство. Как дикари. Мне даже страшно делать проект. Это — позор человечества.

— А я вот не пойму, как они отбирали туда детей? — Пит закончил с газировкой и теперь лепил что-то из пустой банки. — Это как можно понять по ним, маленьким, еврей или нет. Да и какая им, собственно, разница была, ведь они могли забрать детей себе и воспитывать их в верности к Гитлеру! Дети-то ещё не выбрали, за кого они.

— Правда, ребят, давайте, может, не про детей? Это же страшно и несправедливо. У кого-то было счастливое детство, а у кого-то ад только пото-

му, что он родился “не у тех” родителей. — Эмили посмотрела на часы, порылась в сумке, достала расчёску и начала медленно ею приглаживать и без того ровные длинные волосы.

Джама смотрел завороженно на эту красоту. Он вспомнил волосы Габби — тоже длинные, но жёсткие из сотни мелких косичек. Она всё время их теребила, поэтому с её головы сыпались соринки и песок. У остальных женщин в его деревне волосы стригли коротко. А Габби была из другого племени и по их традициям у неё, как у её мамы, волосы не стригли, только заплетали. Он помнил, как они торчали из-под грязной простыни, когда выносили её тело. В отличие от Германии, на его родине никто не отбирал детей и не заставлял работать. Дети были не нужны, их просто выгоняли, и каждый мог идти куда глаза глядят. Когда убивали родителей Габби, она не ушла. Какой-то человек с автоматом вытолкнул её и двух младших на улицу, но она, рыдая, побежала обратно в дом, и братья за ней. Джама слышал, как она плакала там. Из дома вышли трое. У одного был автомат, а у двух других мачете. С них текла кровь. Они крикнули Габби, чтобы та проваливалась, но плач продолжался. Тогда один подошёл к соломенной крыше и поджжёт её. Крыша вспыхнула быстро, издавая сильный треск. Люди начали подходить к дому, но тот, с автоматом, несколько раз выстрелил в воздух, и народ разбежался. Потом все трое ушли. Жители вернулись тушить пожар, чтобы огонь не перешёл на другие дома. Из хижины вынесли шесть тел, покрытых простынями и тряпками. Никто не плакал.

Джама не знал, по каким признакам отличались люди разных племён. Но в их деревне все знали, кто какого племени. Первое время убивали только людей другого племени. А потом всё смешалось. Люди с мачете и автоматами просто убивали. Все стали ещё злее, еды не хватало. Дети ходили в джунгли за пропитанием. Так было безопаснее: взрослого сразу расстреливали, если он наткнулся на какую-нибудь группу с оружием в лесу. Детей не трогали.

Его сестренке Таре не повезло. Она пошла с подругой в лес и набрала много съедобных кореньев и ягод. Они несли их в корзинах, не спрятав под одеждой. Их остановили и потребовали отдать съестное. Подруга Тары испугалась и отдала. Она рассказывала, что те с автоматами были злыми и тощими, и крикнули девочкам, что они их охраняют и воюют за них, потому те должны их накормить в благодарность. А Тара сказала, что ей надо отнести еду голодным братьям. Её убили. Так рассказала подруга, прибежавшая к ним домой. Она рыдала, широко открыв рот и теребя руками короткие кудряшки. На её платье остались брызги крови. Малик, старший из братьев, схватил нож и выбежал из дома. Остальные не шевелились. Малик так и не вернулся. Никто не знал, что с ним стало. Джама надеялся, что Таре не было больно, и она не кричала.

Когда двое с автоматами пришли к ним в дом, ему и братьям предложили вступить в отряд. Но старший — Кирки закричал, что они убили их сестру из-за еды, и он ни за что не будет с ними заодно. Это было глупо. Джама понял это спустя годы. Кирки было шестнадцать, они голодали, и у всех нервы были на пределе. Один из пришедших направил на него автомат и, засмеявшись гнилыми зубами, сказал, что их жадную сестру съели вместе с её едой. Кирки бросился вперёд, и тот выпустил в него целую струю патронов.

— Ну что решили? Джама, тебе вообще хоть какие-нибудь предметы интересны? По-моему, ты на всех скучаешь! — Эмили укладывала свою сумку и собиралась на урок.

— Да нет, просто мне не очень хочется делать проект про войну. У нас она тоже была.

— Ты же сказал, что фашисты до вас не добрались. Они были в Либерии?

— Они — нет. Наша война была позже, уже в моём детстве.

— Да ладно, прям настоящая, как с немцами? — Пит недоверчиво посмотрел в глаза Джама.

- Настоящая...
- И там даже кого-то убивали?
- Да, точно! Я же слышала в новостях: в Африке всё время кто-то с кем-то воюет. И люди ходят из одной страны в другую.
- А кто на вас напал? Русские или американцы? — не унимался Пит.
- Она была между нашими.
- Воевали сами с собой, что ли? И кто победил: вы или вы? — хмыкнул Пит, но заметив выражение лица Эмили, сделал вид, что закашлялся.
- Получается, что никто.
- А, ну это другая война... Пойдёмте, сейчас звонок прозвенит.

ЛИПКИ

Голоса в холле

Что такое Липки, пишушим объяснять не надо. А читателям расскажу. Вообще — это подмосковный пансионат, где ежегодно проводился Форум молодых писателей. Но название давно стало брендом, живущим своей жизнью. В прошлом году Форум прошёл в другом месте, но всё равно говорили: “Липки”. В сущности, это молодёжная мифологема, сотканная из газетных отчётов, литературных сплетен и яростных постов в ЖЖ. А ещё — царство непризнанных гениев. Цыганский табор, без устали гомонящий всю отпущенную ему неделю. Семинары в Липках устраивают в холлах. Подходишь, уже из коридора слышны возбуждённые голоса. А кто-то слушает молча. Но посмотрите, как сосредоточены лица! О чём же здесь думают и говорят?

— Пишу я с четырёх лет! — сияющие глаза победоносно оглядели присутствующих. — Читать меня научили в три, а в четыре я уже написала стихотворение!

Удивительно, что не в два. Господи, хоть бы кто разбавил это однообразие вундеркиндов, рассказал о тяжком, порой нудном ежедневном труде. О тоннах прочитанного, переосмысленного, прежде чем рука поднялась и рискнула написать что-то своё. А потом о таких же тоннах уже собственного, разорванного, скомканного, выброшенного в порывах гнева, отчаяния, потому что всё это — не то, недостойно, ничтожно; о месяцах молчания от осознания собственной бездарности, ради... Ради нескольких строк, выстраданных, выплаканных, и оттого блестящих, которые теперь... привёз сюда! Я пронёс это чудо сквозь трёхдневное уныние плацкарта, с его потно-луковыми зловониями, туалетными сквозняками и липкими попутчиками. Я привёз его вам, готовый к битве, к борьбе, жаждущий каждого нового мнения, слова. Хотя бы взгляните, прошу вас! И я месяц буду запрещать себе прикасаться к бумаге, разгромленный, полный смятения и тоски, чтобы однажды посреди ночи вскочить и выплеснуть всё то, что смог нажать, почувствовать. А потом править, править, править! Вычёркивая снова и снова! Вспоминая каждое ваше наставление, будто впервые понимая всю ценность той беспощадной критики!

— В семь лет мама напечатала мои стихотворения, их было уже больше пятидесяти! Потом она размножила их на работе, и мы раздали эти сборники всем нашим знакомым! — девушка откинула назад чёрные пряди с фиолетовым оттенком, оправила преждевременно уползшую вверх юбку. Бордовые колготки несколькими выразительными стразами подмигивали словам хозяйки. — Так что писала я всегда очень много, мне никогда не было лень писать! Сюда, как вы могли заметить, я тоже очень много послала.

Какая умница, не лень писать. Ну а нам, по всей видимости, должно быть не лень читать. Вчера с самолёта, так и засел на весь вечер. В полёте не до чтения, уже зрение не то, пришлось дома... Жена такой штрудель испекла, ждала меня, неделю не виделись, а я вот занят талантами. И не говорили толком, а теперь ещё неделю не свидимся. Работа...

— Вас вчера на открытии не было, сегодня приехали из Волжска? Как говорится, прямо с поезда?

— Я? А, не-е-ет! — кокетливая улыбка растревожила длинные серебряные сосульки в ушах. — Вчера я была у подруги на *деньрождения*! — просияли сосульки. Их хозяйка не заметила, как вытянулось лицо вопрошавшего. — В пять утра закончили отмечать и к десяти я уже сюда! А в Москву мы переехали уже три года назад, потому что дома у нас творческим людям делать нечего. Мама считала, что мой талант там пропадёт впустую. Кому в этой глухомани нужны поэты, вы же понимаете. Поэтому я уже как бы из Москвы, просто на конкурсе указала, что из Волжска.

Что, Серёжа, кушится на диалект? Увы, уже и здесь всё реже услышишь голоса малых городов. Они все нынче москвичи! Только для таких мероприятий вспоминают, откуда они. Что ж, удобно: живёшь в Москве, можешь в избытке пользоваться её ресурсами — литературными мастерскими, студиями, круглыми столами. А как на конкурсе, то пожалуйте: я из городочка N, у вас наверняка не найдётся и пары представителей нашей области, не отвертитесь, берите. Это мы, Сергей, ездим, ищем, а они уже тут! Ждут похвал и публикаций. Только мы, чудаки, не замечаем их шедевры.

— А учитесь вы где? — чеканная речь и пристальный взгляд как будто пытались выудить единственно правильный ответ.

— Ну, я пошла учиться на менеджмент в Институт культуры и бизнеса.

— Ага. Ну, как говорится, искусство всюду, — ответ, по всей видимости, не столько разочаровал, сколько озадачил.

Что, Сергей Сергеевич, загрустил? Думал, они в Литературный идут или на филологический? Да ну что ты, им же деньги ковать надо, покорять столицу. А название-то какое: культуры и бизнеса! Хотят стать бизнес-поэтами.

— Ну, как бы писать я и сама умею, диплом для этого не нужен, а пошла учиться на менеджмент в сфере культуры.

Вот видишь, “как бы писать” они все умеют. Ну, разве не замечательно? Нам можно и не трудиться, просто читать и радоваться!

— А ещё я напечатала свой первый сборник, ну первый профессиональный, а не как в детстве. Конечно, не в твёрдом переплёте, но у меня друг на дизайнерском факультете сделал обложку. Вот, привезла вам, Сергей Сергеевич, и вам, Алексей Иванович, со своим автографом! — гордой поступью в четыре шага, предварительно ловко одёрнув юбку, она вручила свой дар. — Приз в студию! — звонко рассмеялись сосульки.

На яркой обложке в стиле поп-панк-трэш-арт сложно было вычленить передний план или хотя бы основной мотив. Перо с чернильницей, свеча, окно и книги, и при этом половина зелёной женщины, отражающаяся в зеркале шестикрылым ангелом, роковой револьвер и подобие статуи Давида.

— Так, на чём я остановилась? Столько всего нужно рассказать ещё! — скрипучее кресло вздыхало от избытка энергии. — Значит так, дальше я продолжила писать в школе...

— Прошу прощения, поближе к сути! — резко прервал Сергей Сергеевич. — Всё-таки мы ограничены во времени, и хочется обсудить вас не второпях... — словесный поток юной поэтессы словно вытеснял из кресла его, харизматичного, пружинистого, жёсткого.

— Да-да, я вот как раз о сути. Ну, основная идея моего творчества, она может быть понятна далеко не каждому! Но это для меня не главное. Мне важно выразить себя, я иногда ощущаю, что просто не могу молчать.

Ну что ты, Серёжа, так на меня смотришь? Видишь, не может девушка молчать. Ну ладно-ладно, подключусь и я:

— Голубушка, почитайте нам, на ваше усмотрение, из того, что вы привезли, — мягкая улыбка, тем не менее, указала жёсткое направление для продолжения беседы.

— Ой, хорошо! Даже не знаю, что выбрать. Или всё читать? Но это мы с вами надолго тогда засядем! — локоны мелодично подключились к танцам сосуллек. — Я лучшее сюда привезла, оно мне всё нравится.

Ну, кто бы сомневался. Как же замечательно, когда всё в себе нравится, только завидовать остаётся. А мы, старая гвардия, всё ищем кого-то. Вот она — наша смена. И ведь надо же их принять, надо успеть им что-то дать, пока не уничтожили русскую литературу. А как до них достучаться? Молодые, горячие, хотят напролом, не услышат. А вдруг услышат — ещё натворят дел от обиды. Работка у нас... А ведь достучаться, Серёжа, надо! Мы же в ответе за них, недоучек, за исковерканную школьную программу, за Донцовых и Шиловых на лотках, за скудость свежих идей. Ну что ж, будем стучаться. Прилепных не штампуют сотнями, будем шлифовать. Читает... Ну хоть читает с душой. Может, не всё потеряно.

— Хорошо, спасибо. Ну что ж, начнём. Кто готов к обсуждению? Здесь задача высказаться всем, как можно строже и жёстче. Автор должен получить качественную суровую критику! — глаза медленно сканировали каждого, как будто проверяя готовность полка. Чёрная рубашка, крепкий ремень, идеально отглаженные стрелки брюк — придавали образу воинственности.

— Ну, Сергей Сергеевич, не будем забывать, что стоит говорить и о положительных сторонах, автор всё же трудился, — улыбка осветила лицо второго “мастера”, её тёплый ответ скользнул и угас, затаился в крупной вязке мягкого свитера. — Помните, мы здесь объединены светлыми целями, мы создаём литературу.

— Тогда давайте я. Я читала Анжелику, и мне очень понравилось!

— Можно просто — Лика! Ой, извиняюсь, что перебила! — нетерпение юбки, по-видимому, охватило и хозяйку.

— Ну да, так вот. Пять стихотворений мне очень понравились, а два не понравились, про пальмы и про смерть. А так и идеи понравились, и как вы пишете, Анжелика. То есть, Лика. Ну вот... Спасибо.

Началось. Ну не смотри ты, Серёжа, так жалобно, у самого уже сил нет. Предлагал же ещё в прошлом году запретить слово “нравится”. Ну сядь ты накануне, подготовься, накидай хотя бы десять синонимов “нравится” и “не нравится”. Да, Серёжа, что делать. Значит, нужно их растормошить, нужно расшевелить. Какой год воюем, не унывать! Зря я что ли здесь глотаю вегетарианский борщ и хлебные котлеты вместо домашней запечённой утки? Раз живы-здоровы, надо бороться.

Эстафета “нравится” передавалась от одного к другому. Сосулльки благодарно покачивались, запуская по стенам солнечных зайчиков. Новые лица, новые строки, новые судьбы... Новая литература — будет ли, придёт ли с ними? На столе в номере, как обычно, стопка их текстов. На некоторые даже и времени жаль: с таким багажом обсуждаться рано, с трудом тянет на этюды, но они же не хотят тренироваться. У них всё, что пишут — шедевры, всё надо обсуждать, а лучше — сразу печатать.

За пару дней стол заполнится целиком — потянутся пострелы с других семинаров: “Посмотрите, пожалуйста, оцените, подскажите, порекомендуйте, возьмите в журнал”... И стопки, стопки, стопки текстов... В большинстве своём однообразных: типовые герои, схожие сюжеты, эклектика стиля, штампы, штампы... Но в двух-трёх подборках засветятся искорки. Крошечные, дунешь — погаснут! Значит, надо защитить, сберечь, помочь развиваться.

* * *

Потрясающие! Да это просто потрясающие колготки! Глаз не оторвать! Такие стразы, наверное, вручную приклеивают... Эх, в Снежинске и не достать такого. У нас только чулки сеточкой, да и те папа даже примерить не позволит. Сразу все шептаться начнут, как будто фильмов не смотрели. Ого, у неё и маникюр со стразами! Наверное, кучу денег выложила. Интересно, она ещё и работать успевает или родители помогают? Нет, наверное, она сама уже им помогает, учится на “бизнесе”, наверняка подрабатывает, платят

много. А говорят, Москва людей портит! В Волжске, небось, она выглядела как все, жила как все, а теперь вон какая! Красивая, ухоженная, учится и работает! И стихи пишет. Правда, вот стихи... Совсем корявые. Или это верлибр? Да нет, рифмы есть, только иногда странные: мне — в траве, куда — весна. Но уже третий человек говорит, что нравятся. Не могу же я сказать, что меня совсем не тронуло, что стихи скучны, скрипучи. Да и потом, когда она меня будет обсуждать, ещё наговорит суровой правды, а я и расслакаться могу, вот позор будет, приехала папа-мамина дочка.

А вдруг и правда стихи у неё отличные, просто я бестолковая. Вон “мастера” сидят вроде бы вполне довольные. Хотя по ним и не поймёшь. Может, они просто довольны, что выбрались в санаторий, на природу, с бассейном и полным питанием. Гуляй да читай — отличная работа. Сколько же лет нужно пахать, чтобы тебя вот так приглашали отдыхать. Тот, что помолчаливей, вон как к ней ласково: “Голубушка, почитайте”. Обидеть не хочет. Значит, я тем более права не имею сказать жёстко. А второй вот-вот выскочит из кресла, хотя и не скажешь по лицу, что он в восторге, но глаза у него загорелись, наверное впечатлён. Нужно сказать что-то хорошее, только бы найти, о чём. Так, ритм... Нет, ритм сбивается. Посчитаем: 7-8-8-9 и 8-9-7-10. Нет, никуда не годится, вот потому и спотыкаюсь. Ритм и рифмы отпадают. Может, выразительные средства... Так, про смерть, про часы, хотя они тоже, кажется, про смерть, про дорогу, опять-таки к смерти... Что-то выразительные средства совсем не выразительны. Может, просто сказать, что я не поняла её стихи, закосить под дурачку? “Если нужно объяснять, то не нужно объяснять”... Кстати, это откуда? А, не важно, не до этого, Машка, соберись! Машка-дурашка, как лодку назовёшь... Вот у неё имя — сразу понятно, какие горизонты откроются — Анжелика. Загадочное... Ну вот, бестолковая, опять прослушала, чем же её стихи нравятся. Ведь кажется, и обсуждать здесь нечего! Теперь я... Ну выкручивайся! Главное — не молчать, а то не за дурачку сойду, а за круглую дуру, а это уже совсем обидно.

— Анжелика, я с интересом читала ваши стихи...

Так, ну и что же я там интересного нашла?

— Мне кажется, их объединяет тема тяжёлых экзистенциальных переживаний.

Господи, ну что за бред! Что она, сама не знает что ли, какая у них тема? Надо активно пошуршать страницами.

— Ну, кроме стихотворения “Бабочки”. Оно светлое, нежное.

И абсолютно пустое, так что сказать мне нечего.

— Оно мне понравилось больше всего, ближе мне по настроению. Остальные тоже понравились, но они более мрачные. Ну вот, спасибо.

Фуф, отделалась, вроде, без позора. Она вон сидит, сияет, значит, не обиделась, уже хорошо.

* * *

Сидит, сверкает! Безвкусица какая, новогодняя елка! Из Москвы она, деловая. Припёрлась туда и уже, видимо, считает, что талант, бренчит ви-сюльками. У нас в Сургуте тебя бы приняли за проститутку. Красные колготки, да еще с блестяшками, на карнавал приехала королева Анжелика. Подделка под роскошь. Уже, небось, отхватила себе хахалю с лысиной, а там, в Волжске оставила всё настоящее, живое. Обещала звонить, писать, рыдала, упершись лбом в стекло поезда, всю дорогу строчила эсэмэски. А потом первые пару месяцев и правда звонила каждый вечер, тараторила про свой день, плакала, как тяжело, как скучает, как считает дни до Нового года, чтобы приехать и больше никогда не уезжать в эту чужую Москву. А он-то, дурак, верил, кидал ей деньги на телефон, чтобы могла чаще звонить, никак не мог наслушаться, в век интернета каждый день слал почтовые открытки, романтик недобитый. А по выходным загружал себя подработкой, чтобы не замечать заунывные сумеречные дни, и ждал. А она так и не приехала! Дура. Московские выпендрёжки со всей России. “Мама решила, что

мой талант пропадёт”! Мама решила, что замуж тебя не возьмут и денег у тебя не будет. А тут вот на тебе, доченька, Москва! Женихи так и побегут! А мы, значит, в остальной России — только алкаши да нищие?! Тьфу, тошно смотреть, кукольная улыбка.

Стихи она с четырёх пишет! Хотя бы кто правду сказал — бездарно! Так и застряла на уровне лет двенадцати! О чём твои стихи? О Любви? Ну нет, куда, ты же такая особенная, о любви не пишешь, ты о “высоком” — о смерти! Нашла, на чём выезжать. Да их отличить можно только по названиям, стихи твои, а так — тасуй строфы, как колоду карт, всё равно суть не поменяется, потому что нет её, сути, пустота! И ты — пустота, только разукрашенная. Что сияешь? Думаешь, напечатают? Да нужна ты им, не туда попала, я здесь уже третий год. Таких, как ты, тут каждая вторая, и все с трёх пишут, гениальные вы наши!

А чтоб напечатали — пахать надо! Сначала год пашешь, приезжаешь, а они — фиг тебе, сиди дома. Обижаетесь, злишься и весь год снова пишешь, как дурак. Потом приезжаешь, уже не такой смелый, знаешь, что скажут. А они раз, и удача, говорят! Из твоих двадцати трёх выстрадавших, родных, один-единственный рассказик, может, и возьмут, только вот тебе, дядя, список доработок. А ты уже счастлив! И потом полгода им пишешь, а они возвращают и возвращают: то начало затушево, то финальная фраза не играет, то диалог не прописан. Уже и не веришь, думаешь, отписываются. А они, бац: “Приняли в третий номер”! И вот тут... думаешь всё, танцуешь и радуешься? Ну, если больше литературных интересов нет, то можешь и танцевать. А так — сядишься и пишешь, и вычёркиваешь больше половины.

И едешь в третий раз, зная, что здесь — как русская рулетка. Ходишь по разным семинарам, за каждым ведущим по пятам, как мальчик-гимназист. Тексты свои тоннами распечатываешь, всем раздаешь, чтобы, может, хоть один тебя заметил. А половина из них выкинет, не читая.

Нравятся тебе твои стихи, вот и сиди, пиши! Сказал бы я тебе про них откровенно... А то тошно, пятый человек, и все — “нравится-красавица”. Ладно Костик, я с ним второй год в одном номере, ему уж конечно “нравится”, вы ему все очень нравитесь своими формами, только не поэтическими. Сначала предложит в баре посидеть — “половить” писателей, чтобы представить юное дарование. А дарование сидит, сияет, стопки текстов набрал с собой, как на кастинг пришло. Правда, “мэтры” по ночам в бар не заглядывают. Рукописи читают. Вон у наших уже глаза красные, а только второй день! Потом Костик и бассейн покажет, куда ж без него. А потом под утро довольный припрётся и давай трепаться, хоть рассказ пиши, только уж больно пошлый выйдет. Ему вы все безумно нравитесь, и нахвалил-то тебя как, вроде даже конструктивно, если стихи не видеть. А вот девчонки-то что хвалят — обалдели что ли?! Это же и стихами не назовёшь. Рифмы глагольные, ритм скачет, ударения исковерканы. А главное — пустота полнейшая! Ну, держись, я всё скажу...

* * *

Ну, вот и осень снова. Холодно здесь в этом году, а у нас в Сибири уже совсем по-зимнему. Сейчас как раз время окончания первой смены, все плетутся к Николаичу, согреться хорошенько... А тут ещё весь день. С утра можно было бы чем-то “разбудиться”, голова ноет, да не с кем особо. Девчонка вроде неплохая, а сколько шуму. Как может, так и пишет, что привязались к ней. За пять лет и не таких видали здесь. Пришла счастливая, а сейчас сидит вся красная от обиды — прям как её рейтузы. Или это колготы такие, не разглядишь отсюда. Какие-то они ещё с камушками, нарядилась, молодец, а вы напали, мужики. Руководители-то ладно, понятно, хотя в резкости им не откажешь. “Это всё надо оставить для себя, в стол, так сказать”... Ну а как будто по большому счёту мы пишем для кого-то ещё. Для кого? Раз в год собирают нас здесь, потерянных, недооценённых, чтобы

как-то подбодрить, на недельку дать почувствовать, что хоть кому-то наша литература нужна. Вот, ребят, почитайте, погрызите друг друга. Да и второй “мастер” тоже забавный: “Мы создаём литературу”. Ну, у вас в Москве, может, и найдутся любители словесности, а вы к нам приезжайте. В шесть смена закончилась — и что им делать, обычным работягам? Вышил, поел, до дома дотащился, а там жена нудит: опять денег с трудом на еду хватает, а у дочки учебный год начался, из туфелек она выросла, новые нужны, а ещё бы на физкультуру спортивный костюм новый... И вроде и не злая она, Верка, крутится, как может, сама работает, а от такой жизни заскрипишь. Но она хоть любит послушать вечерком, иногда даже что-то скажет про рифмы, про идеи. А ребятам на шахте даже и читать смешно, на что они им — писульки наши. Дорогие наши руководители, спасибо, что хоть время потратили, но что уж вы так эмоционально всё воспринимаете, второй вон совсем разошёлся!

— Обратили внимание: Наталья высказалась, похвалила, за ней ещё пять человек похвалили. А высказался Андрей — начал ругать, и за ним остальные начали ругать. Но что же это, хорошие мои! Ведь вы же писатели! У вас должно быть своё мнение, исключительно своё собственное! Если толпа идёт в одну сторону, то писатель должен идти в другую! Не обязательно против толпы, но обязательно в другую! Иначе какой же ты писатель?!

Ну да, сказал хорошо, в другую... а какая другая нам остаётся? Сейчас и не поймёшь, куда толпа: эти правые, те — оппозиция, другие — вообще неформалы, четвёртые — смотреть тошно. Куда ни пойдёшь, ты всё равно с толпой, только под разными лозунгами. А у нас на шахте всё просто. Утром туда, вечером обратно. И жизнь, брат, сама тебя возьмёт и понесёт.